

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

DOI:

СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ АЛАНЫ – 1000 ЛЕТ НА ПУТИ К ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Д. С. Коробов

В статье рассматриваются процессы политогенеза у северокавказских алан, отраженные в материалах поселенческой археологии. На протяжении тысячи лет, со II в. по XII в. н.э., рассматриваются характерные особенности аланских поселений, их иерархия и система расселения. Прослежено несколько этапов в развитии поселенческих структур: 1) обширные протогородские центры со следами высокоразвитого ремесленного производства, характерные для раннего этапа аланской культуры (II-IV вв.) и свидетельствующие о наличии аналога государства у северокавказских алан; 2) небольшие укрепленные поселки родственных коллективов, являющиеся отражением менее развитого аланского социума эпохи раннего средневековья (V-VIII вв.); 3) поселенческие следы глубокого влияния на северокавказские этносы и вовлечения их в орбиту раннегосударственного образования VIII-IX вв. – Хазарского каганата; 4) возникновение раннегородских центров X-XII вв. как свидетельство появления собственной государственности – Аланского царства. На каждом этапе для поселенческих структур северокавказских алан характерны свои особенности в размерах, фортификации, иерархии поселений и системе расселения. Таким образом, через призму поселенческой археологии мы видим длительный процесс складывания государственного образования – средневековой Алании. Этот процесс не был равномерным – на пути аланского политогенеза встречались свои взлеты и падения. Однако очевидно, что тысячелетняя история северокавказских алан следовала общим европейским закономерностям, пиком наивысшего развития которой стало принятие христианства и обретение государственности 1100 лет назад.

Ключевые слова: северокавказские аланы, средневековье, поселенческая археология, процесс политогенеза

Для цитирования: Коробов Д. С. Северокавказские аланы – 1000 лет на пути к государственности через призму поселенческой археологии // Известия СОИГСИ. 2023. Вып. 48 (87). С. 15-32. DOI:

В современной теории политогенеза значительная роль отводится процессу урбанизации как фактору развития государственности. Считается, что корреляция между наличием городов и присут-

ствием раннегосударственной системы очень высокая, хотя и не стопроцентная [1, 226-227]. Существенное значение в качестве отражения степени развитости политических структур в обществе игра-

ют формы поселений и их иерархия. Так, например, в работе Л. Лозного рассматриваются типы и иерархия поселений Центральной Европы как главных показателей процесса формирования государства [2]. Автор предполагает, что уровень сложности пространственной организации поселенческих структур соответствует степени социальной и экономической сложности оставивших их обществ. В результате прослеживается иерархически организованная пространственная структура поселений, состоящая из трех основных категорий (столичные и местные центры, остальные поселения), а также двухчастная структура некоторых поселений, внутри которой можно выделить место обитания элиты. Появление памятников монументальной архитектуры отражает процесс возникновения первых монархий Центральной Европы.

Представляется перспективным рассмотреть эволюцию поселенческих структур у аланского населения Северного Кавказа в качестве отражения процесса формирования раннесредневекового государства Алании, 1100-летие принятия христианства которым отмечалось в ушедшем году. Процесс этот занял не менее тысячи лет и имел на своем пути свои взлеты и падения, которые отразились, в том числе, на специфике поселенческих памятников. Определенная логика эволюции поселенческих структур прослеживается при выделении крупных хронологических этапов на этом пути, которые, разумеется, носят нестрогий, в некоторой степени условный характер. Дальнейшее изложение моего видения данного процесса ведется в рамках четырех таких этапов: 1) II-IV вв. н.э.; 2) V-VIII вв.; 3) VIII-IX вв.; 4) X-XII вв.

Степень археологической изученности поселений аланской культуры на Северном Кавказе по сравнению с погребальными памятниками оставляет желать лучшего. Эта ситуация не уникальна,

она характерна в целом для европейской раннесредневековой археологии [3, 442, 495]. Однако на общем фоне недостаточного количества информации о поселениях северокавказских алан выделяется территория Кисловодской котловины, где в ходе длительных полевых работ поселенческие памятники стали предметом специального анализа, в том числе автора этих строк [4; 5; 6; 7]. Территория котловины послужила своеобразным полигоном по изучению системы расселения алан эпохи раннего средневековья. Исходя из этого, многие сделанные ниже выводы и наблюдения касаются, прежде всего, данного микрорегиона и не всегда могут быть экстраполированы на другие области Северного Кавказа. Тем не менее, мне представляется, что основные направления эволюции поселенческих структур, прослеженные на памятниках в окрестностях современного Кисловодска, могут отражать общие процессы формирования государственности северокавказских алан.

1) Поселения II-IV вв. Существующие представления об археологических признаках присутствия аланского населения в Центральном Предкавказье во II-IV вв. н.э. связываются с памятниками раннего этапа аланской археологической культуры, наиболее яркими чертами которой являются крупные земляные городища, которые сопровождаются обширными курганными катакомбными могильниками [8, 161-162; 9]. В настоящий момент известно не менее полутора сотен подобных городищ, расположенных на северокавказской равнине, на границе степи и предгорий (рис. 1).

Несмотря на то, что первые крупные земляные городища изучались в ходе работ Северокавказской экспедиции ГАИМК во главе с А. А. Миллером начиная с 1920-х гг. [10], долгое время раннеаланские поселенческие древности не получали необходимого анализа

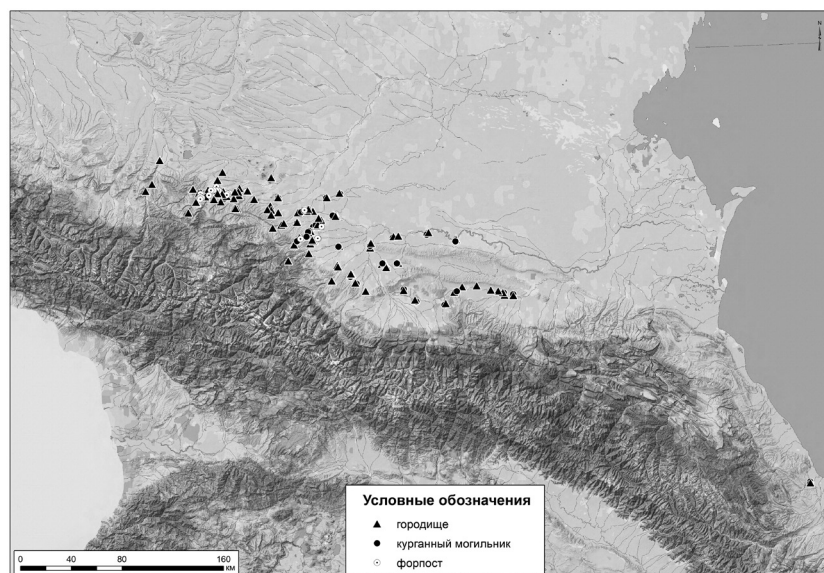

Рис. 1. Карта раннеаланских городищ и могильников Северного Кавказа II-IV вв., составленная по данным дистанционного зондирования

и интерпретации в археологической литературе. Настоящий переворот в изучении раннего этапа аланской культуры произошел на рубеже 1980-х – 1990-х гг. в связи с изучением крупнейшего городища на территории Центрального Предкавказья, расположенного возле селения Зильги в Северной Осетии. Здесь в ходе крупномасштабных археологических раскопок под руководством В.Б. Ковалевской, а затем И.А. Аржанцевой получил новую атрибуцию массовый керамический материал, который традиционно датировался эпохой средневековья. Обнаружение его в одних комплексах вместе с находками светлоглиняных узкогорлых амфор типа I вариантов C и D, а также с некоторыми металлическими и стеклянными предметами, позволило Д.В. Деопику и В.Ю. Малашеву пересмотреть утвердившиеся в науке привычные датировки и отнести зилгинскую керамику ко II-IV вв. н.э. [11; 12; 13].

Уже с начала 1970-х гг. в работах археологов-кавказоведов утверждается общий принцип деления аланских городищ на два основных класса – земляные и каменные [14; 15]. К моменту написания данной работы стали известны много-

численные земляные городища, которые, как показала В.Б. Ковалевская, занимают в основном равнинное положение, находясь на стыке степей и предгорий [16, 84]. Как правило, речь идет о крупных многочастных сооружениях, состоящих из выделенной цитадели, нескольких укрепленных холмов, которые устроены с помощью эскарпирования склонов естественных возвышенностей, устройства рвов и земляных валов, и неукрепленного посада. Они сопровождаются обширными могильниками с катакомбными погребениями, расположенными под невысокими курганными насыпями. Это сочетание земляной фортификации с подкурганными могильниками из Т-образных катакомб признается большинством специалистов в качестве основных этномаркирующих признаков раннего этапа аланской культуры на Северном Кавказе [8, 144-147, 161-162].

Наиболее масштабные по площади археологические раскопки конца 1980-х гг. на одном из крупнейших подобных городищ в Северной Осетии – Зилгинском (рис. 2) – дали обоснованные материалы для отнесения основного этапа обитания на нем ко II-IV вв. н.э., хотя жизнь

продолжалась здесь вплоть до VII в. н.э. [11; 17, 169]. Материалы того же времени дают многочисленные катакомбные погребения, раскопанные на обширнейшем Бесланском курганном некрополе, относящемся к Зильгинскому городищу, площадь которого составляет более 3 кв. км. Здесь на сегодняшний день раскопано более 800 подкурганных катакомбных погребений II – середины VII в. н.э., ко-
торые еще не введены в научный оборот [13, 9-10; 17]. Аналогичная ситуация сочетания крупных земляных городищ с подкурганными катакомбными могильниками наблюдается и для других исследованных памятников Центрального Предкавказья – Брутского в Северной Осетии, Алхан-Калинского в Чечне, Экажевского в Ингушетии, Пегушинского в Ставропольском крае, – а также Паласа-Сыртского в Прикаспийском Дагестане [8, 145-146; 13, 61-63]. Исследования городищ носили ограниченный характер; материалы могильников, как правило, датируются в пределах II-IV вв. в качестве основного периода обитания данных поселений, но имеются комплексы и более

позднего времени. Таким образом, становится очевидным, что, несмотря на гуннское нашествие последней четверти IV в. н.э., жизнь на поселениях раннего этапа аланской культуры какое-то время продолжалась, хотя, скорее всего, не столь интенсивно, как в предгуннское время.

В настоящий момент мы располагаем обширным материалом, свидетельствующим о широком распространении земляных городищ в сопровождении подкурганных катакомбных могильников на огромной территории Предкавказья, от Южного Дагестана на востоке до срединного течения Кубани на западе (рис. 1). Следует отметить, что речь идет лишь о первом приближении в пространственной оценке данного феномена, являющегося отражением широкого расселения ранних алан накануне гуннского нашествия [8, 160-161; 9; 13, 64-66].

Требуются дальнейшие исследования поселенческих и погребальных древностей раннего этапа аланской культуры как в области их выявления и картографирования, так и в ходе более детального изучения отдельных памят-

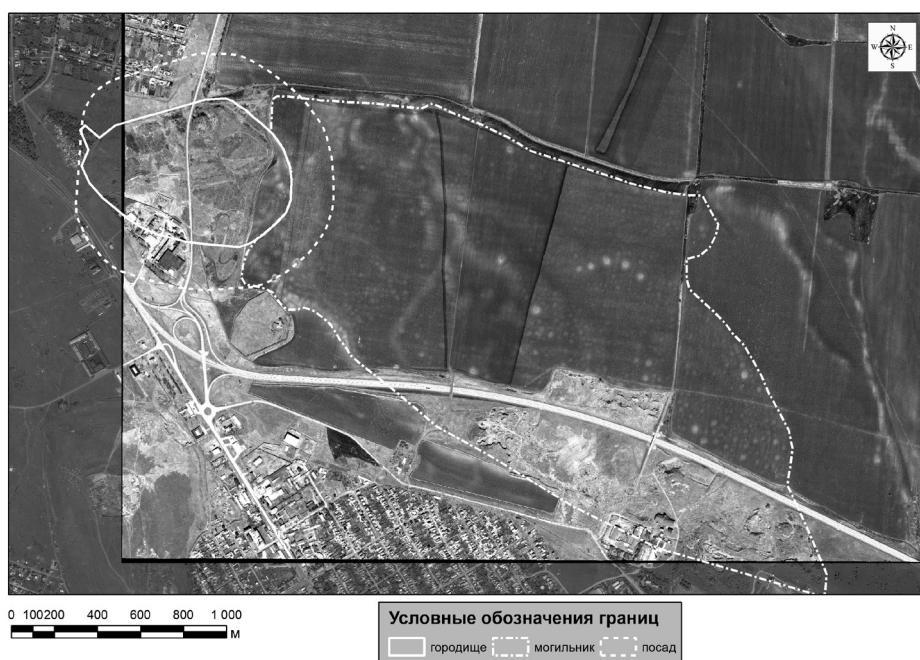

Рис. 2. Зильгинское городище и Бесланский могильник на снимке космического аппарата WorldView-3 (снимок 3 апреля 2017 г.)

ников и микрорегионов. Тем не менее, при ближайшем рассмотрении бросается в глаза разнообразие форм и размеров данных памятников, которые имеют ярко выраженную иерархию от отдельно стоящих укрепленных холмов, скорее всего, выполнявших роль наблюдательных постов, до огромных поселенческих агломераций, включающих по несколько крупных холмов с эскарпированными склонами, с выделенными цитаделями и обширными неукрепленными посадками. Площадь подобных поселений могла достигать 1,0-1,5 кв. км. Ярким примером подобных памятников служит уже упоминавшееся выше Зильгинское городище, на котором в 2020 г. мною проводились специальные исследования по уточнению особенностей его планировки и топографии (рис. 2).

Зильгинское городище – крупнейший поселенческий комплекс раннего этапа аланской культуры в Центральном Предкавказье. В работах можно встретить разные количественные оценки площади Зильгинского городища. Так, В. А. Кузнецов определял его площадь в 1 кв. км [18, 74]. В публикации И. А. Аржанцевой площадь укрепленной части городища оценивается в 1,5 кв. км [12, 76]. Мой расчет площади городища дает значительно более скромные результаты, чем это принято считать – измерение площади укрепленной части Зильгинского городища по внешнему контуру рва демонстрирует приблизительную ее оценку в 38,5 га (рис. 2). Площадь же видимых на поверхности укрепленных холмов городища, с учетом разрушенной карьером кирпичного завода юго-западной части, составляет около 19 га. Если предположить, что неукрепленный посад отстоял во все стороны от крайних рвов городища на расстояние в 230 м (именно такая дистанция границы посада прослежена в ходе наших работ на Бесланском курганном катакомбном могильнике: см. [17,

169]), то общая площадь этого поселения достигает одного квадратного километра (рис. 2). Разумеется, мы не можем утверждать, что, с одной стороны, вся эта обширная территория была освоена жителями Зильгинского городища в древности, а с другой – что территория посада не простиралась далее указанного расстояния в 230 м.

Тем не менее, Зильгинское городище является одним из крупнейших земляных городищ раннего этапа аланской культуры, сопоставимым по площади укрепленной части со Старо-Лескенским (0,4 кв. км), Брутским (0,38 кв. км), Алхан-Калинским (0,3 кв. км, без учета размытой Сунжей южной части памятника). Большинство же «земляных городищ» этого времени сильно уступает Зильгинскому по площади. Например, достаточно крупное Киевское городище, находящееся недалеко от Моздока, имеет площадь около 6 га. Следует отметить, что эти выводы носят предварительный характер, и более детальное исследование топографических и планиграфических особенностей раннеаланских земляных городищ еще предстоит провести.

Таким образом, даже при имеющихся самых общих представлениях о поселенческих памятниках II-IV вв., оставленных носителями аланской археологической культуры в Центральном Предкавказье, становится очевидным высокий уровень концентрации населения на некоторых из них, что позволило исследователям употреблять термин «протогорода» при характеристике данных крупных укрепленных поселений [11, 217-219]. На городищах прослежены многочисленные следы занятия ремеслами – гончарным, железоделательным и обрабатывающим производствами [9, 73, 75; 11, 215; 12, 80-81]. Сложившаяся иерархия поселений в сочетании с яркими следами социальной дифференциации, прослеженными по погребальному

обряду, говорит нам о высокой степени социального развития аланского социума накануне гуннского нашествия, сопоставимого, по мнению В. Ю. Малашева, с аналогом раннего государства согласно терминологии Л. Е. Гринина [1, 232-287; 9, 78-79]. Отражением подобных протогосударственных структур могут служить особенности системы расселения ранних алан на периферии своего ареала обитания в виде устройства цепи пограничных укреплений на северных рубежах Кисловодской котловины, прослеженные автором [17, 283-285].

2) **Поселения V-VIII вв.** Ситуация в системе расселения носителей аланской культуры кардинально меняется в эпоху Великого переселения народов. Крупные земляные городища Центрального Предкавказья приходят в упадок, хотя жизнь на них продолжается вплоть до VII в. н.э. [11, 243-244; 17, 165, 169-170]. Происходит постепенный отток населения с равнин в предгорья и горную зону. Здесь возникают новые поселения, существенно отличающиеся от описанных выше, как в фортификационном и архитектур-

ном отношении, так и по своим размерам.

Наиболее детально данный феномен изучен на территории Кисловодской котловины. Здесь в ходе многолетних полевых работ открыто и изучено 110 каменных крепостей на останцах и скальных мысах, а также 13 открытых поселений на мысах, плато и склонах [7, 148-159] (рис. 3). Две крепости исследовались в ходе археологических раскопок – это каменные городища Указатель [6, 125-128] и Горное Эхо [5, 76-84]. Изучение остальных памятников проводилось при помощи методов пространственного ГИС-анализа с учетом данных археологических разведок с шурфовками [7, 82-105].

В итоге проведенного компьютерного ГИС-моделирования представляется возможным проследить переход от пограничной ситуации III-IV вв., когда на северном рубеже Кисловодской котловины существует цепь поселений, небольших городищ и наблюдательных пунктов, являвшихся своеобразным южным «лимесом» расселения алан в Центральном Предкавказье на раннем этапе их исто-

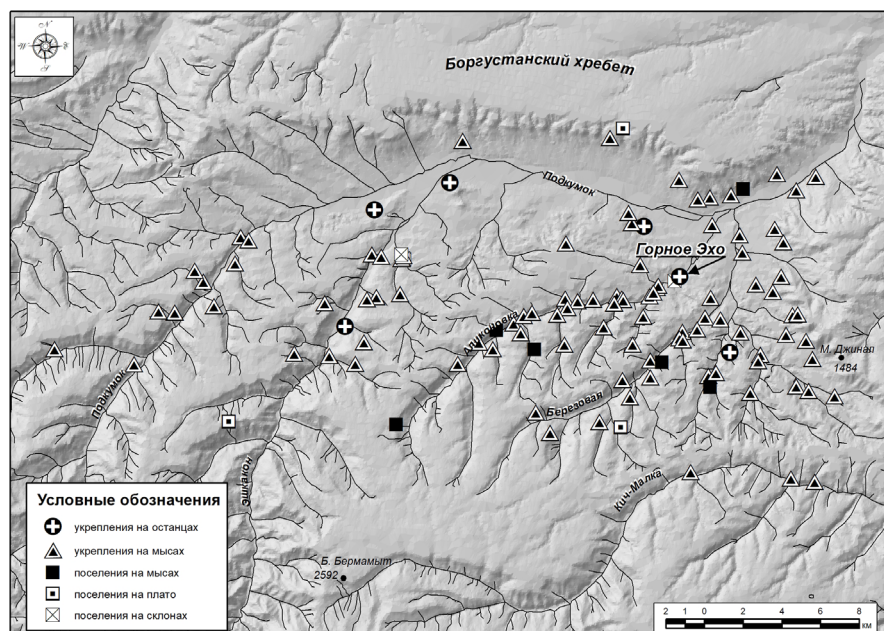

Рис. 3. Карта распространения поселений V-VIII вв. в Кисловодской котловине

рии, к достаточно быстрому равномерному освоению всей изучаемой территории в виде рассеянной (дисперсной) системы небольших укрепленных поселений V-VIII вв. Очевидны три основные особенности в системе расселения у алан Кисловодской котловины в эпоху раннего Средневековья [7, 285-289]:

1) основным местом обитания является небольшое укрепленное (гораздо реже – неукрепленное) поселение со следами существования 1-5 домохозяйств. В среднем мы получаем пять малых семей, проживающих на одном поселении, при расчете минимального количества обитателей на единицу площади (50 чел./га) и 4,6 семьи при подсчете видимых на поверхности остатков построек;

2) данные поселения в большинстве своем обладают необходимыми ресурсами для успешного ведения сельского хозяйства (пашенного земледелия и скотоводства альпийского типа). Рассчитанное в среднем количество обитателей, способных прокормиться с минимальных по площади окрестных пахотных угодий, составляет 3 домохозяйства, с максимальных – 10 домохозяйств, что, по-видимому, в два раза превосходит число реальных обитателей Кисловодской котловины в рассматриваемый период;

3) подавляющее большинство рассматриваемых поселений, по всей очевидности, использовало в качестве пахотных угодий близлежащие ровные пространства, расположенные на расстоянии не более 500 м от места обитания. Пахотные угодья, лежащие на большей дистанции в пределах одного километра, могли использоваться эпизодически. Однако при росте населения, которое прослеживается на некоторых поселениях (Горное Эхо, Зубчихинское 3, Кич-Малка 1), обрабатываемые поля могут находиться и за пределами километровой зоны.

Таким образом, исходя из разных способов расчета приблизительного количе-

ства населения Кисловодской котловины в V-VIII вв., мы вправе предположить, что оно составляло от 350 до 600 малых семей и равнялось примерно 1,6-3,6 тыс. человек. Плотность населения в этом случае составляет от 3 до 7 чел. на кв. км, что прекрасно сопоставляется с результатами расчетов франкского населения Юго-Западной Германии меровингского времени [20, 139], проживавшего в сходных ландшафтных условиях.

Следует заключить, что, несмотря на значительное количество раннесредневековых поселенческих памятников в рассматриваемом микрорегионе, подавляющее большинство их представляло собой небольшие поселки – места обитания относительно маленьких коллективов, которые можно связать с патристическими кланами, известными по кавказской этнографии [21]. Данный вывод противоречит сделанным ранее предположениям о так называемом «демографическом взрыве», происходящем в Центральном Предкавказье в середине VI в. и приведшем к резкому увеличению ее населения [22, 131-132]. Скорее, речь должна идти об изменившейся системе расселения, при которой относительно небольшое население равномерно занимает обширные пространства.

Это равномерное распределение поселений в пределах котловины представляется очевидным (рис. 3). Укрепленные и неукрепленные поселения занимают практически все удобные места в долинах всех основных рек и их притоков. Данное наблюдение не позволяет согласиться с мнением И. А. Аржанцевой, предположившей вслед за В. Б. Ковалевской единовременное основание каменных крепостей с населением в 200-300 чел. каждая с целью осуществления контроля над основными путями сообщения, приписываемое неоднократно упоминаемому в письменных источниках аланскому царю Сарозию [6, 76; 22, 134-135;]. Нали-

цо существование рассеянной системы обитания в виде небольших поселений хуторского типа (англ. *dispersed*), равномерно занимающих территорию Кисловодской котловины.

Представляется возможным рассматривать общество алан Кисловодской котловины V-VIII вв. как социально однокорродное, племенное, аналогичное синхронным племенным сообществам Северной Европы, с одной стороны, и некоторым из более поздних социальных образований горцев Северного Кавказа, с другой [7, 289-295]. В пользу подобного утверждения говорит дисперсный характер расселения в виде небольших (семейных?) кланов, проживающих в многочисленных укрепленных поселениях, относительно низкий уровень керамического производства, отсутствие следов массового торгового обмена в виде амфорных фрагментов на поселениях. Наконец, именно такой тип социального характера общества был установлен в ходе анализа погребального обряда населения котловины [23, 194-260, 276-283].

Однако тот же социальный анализ погребений позволил наметить процесс образования местных элит, выразившийся в виде появления мужских захоронений с престижными предметами инвентаря (мечи, бронзовые котлы, стеклянные сосуды), устроенных в больших по размерам катакомбах и зачастую сопровождающихся погребениями коней [23, 197-198, 203-205, 277-278]. Постепенное усложнение аланского социума отразилось и в поселенческой структуре. Среди раннесредневековых поселений Кисловодской котловины выделяется несколько памятников, которые могут претендовать на более высокий статус по сравнению с обычными небольшими клановыми поселками и являться местом проживания локальных элит [7, 295-300].

Наиболее вероятный центр политической власти в Кисловодской котлови-

не находился на городище Горное Эхо [7, 297] (рис. 3). Можно предположить существование иерархии поселений в Кисловодской котловине на протяжении V-VIII вв. Следы подобной иерархии наталкивают на мысль о существовании в изучаемом микрорегионе предгосударственного образования наподобие вожества [24, 163-174]. Различают несколько видов подобных образований в зависимости от уровней структурной сложности: простые с одним уровнем иерархии, составные или сложные с двумя уровнями, суперсложные с несколькими уровнями соподчинения. Проследить количество уровней подобного образования по аналогии с известными реконструкциями и моделями на сегодняшний момент по материалам раннесредневековых поселений Кисловодской котловины мне не представляется возможным. Тем более что имеются и альтернативные вождеству варианты политий, например, широко распространенные на Северном Кавказе в позднем средневековье и в Новое время разные виды демократических и аристократических обществ [24, 170-174]. Поэтому мне кажется логичным использовать для характеристики описываемого социального явления устоявшийся в западноевропейской литературе термин «племенное королевство» (англ. *tribal kingdom*), которым характеризуются аналогичные небольшие по размерам предгосударственные или раннегосударственные политии, относящиеся к раннему средневековью и представлявшие, по сути своей, аналоги вождеским и раннегосударственным образованиям. Многие черты и особенности системы расселения, описанные выше, сближают аланский раннесредневековый социум с синхронными «племенными королевствами» Северной Европы [7, 299-300].

3) Поселения VIII-IX вв. Очевидно, что поступательное развитие аланского социума на протяжении второй поло-

вины I тыс. н.э. было направлено в сторону усложнения социальной структуры, что отразилось в ряде погребальных и поселенческих памятников. В это время происходит выделение местной воинской элиты, что прослеживается по данным погребального обряда алан [23, 281], причем имеются данные о том, что высокое социальное положение могло носить наследственный характер, что является отражением движения к ранней государственности уже с VII в. [25, 138] – тогда же, когда оно происходит в ряде других западноевропейских «племенных королевств» [3, 376-379]. В Кисловодской котловине этот процесс, очевидно, прервался в середине VIII в. в ходе массового переселения аланских племен на северо-восточные рубежи Хазарского каганата [26, 141-150], однако он может быть прослежен на других территориях Центрального Предкавказья, для чего потребуются новые детальные исследования системы расселения алан.

К сожалению, сведений об аланских поселениях VIII-IX вв. очевидно недостаточно. Имеющиеся небольшие публикации материалов разведок и ограниченных по площади раскопок на поселениях не дают детальных представлений ни о поселенческой иерархии, ни о системе расселения алан [27, 107-149]. При этом имеются яркие следы присутствия Хазарского каганата на территории расселения северокавказских алан, отразившиеся в виде устройства крупной крепости, контролировавшей магистральные торговые пути к горным перевалам – Хумаринского городища. Данный памятник исследовался многолетней экспедицией Е. П. Алексеевой и Х. Х. Биджиева [27], затем в последние годы комплексные междисциплинарные исследования на нем проводил У. Ю. Кочкаров [28].

Размеры данного крепостного сооружения и архитектурные особенности

его фортификационного устройства говорят об экстраординарности данного памятника по сравнению со всеми укрепленными поселениями, существовавшими как до, так и после Хумаринской крепости. Крепость занимает обширное плато площадью около 20 га, окруженное по периметру каменными стенами общей протяженностью 2050 м. В северной ее стороне находится башня-донжон, которая возвышается над местностью на высоту 30-40 м. Прослеживается не менее 240 м длины рва, который усиливал оборонительные свойства крепостных стен на особо опасных участках. По периметру стен было устроено 23 башни, считая упомянутый выше донжон. В ходе раскопок были расчищены въездные ворота, которые фланкировались двумя башнями, а также проход-калитка, также контролировавшаяся башней [28, 25-28].

Примечательно, что огромное внутреннее пространство данного мощнейшего фортификационного сооружения имеет весьма мало следов обитания, несмотря на достаточно мощные отложения культурного слоя, достигавшие 1,6 м [28, 29-32]. Обнаружены яркие следы железоделательного и косторезного производства [27; 29]. Общим заключением исследователей стало предположение о присутствии в крепости в качестве основных обитателей постоянного гарнизона, который снабжался ремесленниками разнообразной необходимой продукцией [27, 35, 97; 29, 243].

Само по себе существование подобного укрепления, специально построенного с использованием высоких технологических приемов (двухпанцирная кладка из тесаных камней с применением известкового раствора), даже при наличии разных по качеству архитектурного воплощения участков стен и башен [28, 48-55], представляется ярким свидетельством государственной строительной политики крупного образования, каким

являлся в VIII-IX вв. Хазарский каганат. Хумаринская крепость стоит в одном ряду с другими крепостными сооружениями, возводившимися по воле хазарских каганов, в том числе с привлечением византийских архитекторов – такими как Саркел, Правобережное Цимлянское городище, крепости на Среднем Дону [26, 129-141; 30; 31; 32, 28-75]. Рассчитанные трудозатраты на сооружение крепостных стен и башен Хумаринского городища дают общее количество около 110100 человеко-дней. Подобное сооружение могли возвести 300 человек в течение одного года или 1 тыс. человек на протяжении 3,5-4 месяцев [29, 48-55], что представляется колоссальным по сравнению с более скромными каменными сооружениями VIII-IX вв. у донских алан, расчеты трудозатрат на строительство которых лежат в пределах 20000 человеко-дней и выше [26, 143]. При этом сооружение Хумаринской крепости могло потребовать примерно в четыре раза меньше трудозатрат, чем строительство северной стены Дербента, по длине примерно равной периметру стен Хумары [33, 84-85]. Даже с учетом подобных сопоставлений, очевидна высокая организующая роль государственных структур, оказавших безусловно глубокое влияние на жителей Северного Кавказа в рассматриваемый период.

4) Поселения X-XII вв. Несомненно, вовлечение аланских племенных образований в жизнь одного из крупнейших государств Восточной Европы VIII-X вв. – Хазарского каганата – сыграло роль катализатора социальных процессов, происходивших в аланском обществе. Степень социального развития северокавказских алан X-XII вв. выглядит гораздо более высокой по сравнению с предшествующим временем, что нашло отражение и в материалах поселенческой археологии. Поселенческие памятники данного периода представляют со-

бой крупные городские центры, неплохо исследованные на разных территориях средневековой Алании. Речь идет, прежде всего, о городищах Нижний Архыз и Верхний Джулат – крупнейших населенных пунктах в западной и восточной частях Аланского царства [34; 35]. Значительные размеры, монументальные архитектурные сооружения, большая концентрация населения, яркие следы присутствия элит, многочисленные свидетельства существования развитых ремесленных производств – вот характерные черты поселенческих памятников этого времени, резко контрастирующие с более ранними небольшими поселками. Весьма выразительно этот контраст виден на поселенческих памятниках Кисловодской котловины, где система расселения претерпевает существенные перемены при переходе от раннего к развитому средневековью [7, 300-311]. Здесь с X в. опять появляются носители аланской археологической культуры, устраивавшие обширные катакомбные могильники. Исследуемый микрорегион вновь наполняется значительным количеством жителей, принесших с собой, однако, кардинально другую модель обитания.

К рассматриваемому периоду относятся четыре укрепленных и 16 неукрепленных поселений, а также десять могильников из катакомб, каменных ящиков, склепов, гробниц и скальных камер (рис. 4). Бросается в глаза, что практически все они приурочены к основной водной артерии Кисловодской котловины – р. Подкумок – и располагаются на расстоянии 5-6 км друг от друга, образуя крупные поселенческие центры. Таких основных центров всего пять (Уллу-Дорбунла, Рим-Гора, Указатель, Кольцо-Гора и Долина Очарования), но они занимают значительные площади от 10 до 130 га и сопровождаются обширными могильниками из катакомб и других погребальных сооружений [4, 120, 125; 5, 125-129].

Очевидно, что перед нами складывающиеся городские центры Аланского царства, находящиеся в непосредственной близости к основному пути сообщения в Кисловодской котловине, очевидно, имевшему важное торговое значение.

Любопытно, что в окрестностях многих памятников этого времени присутствуют следы земледельческой активности, сохранившиеся в виде длинных узких террас, аналогичных пахотным террасам (англ. *strip lynchets*). Сам тип подобных угодий, устроенных с помощью тяжелого плуга с отвальным механизмом, по мнению большинства авторов, свидетельствует о возникновении подобных наделов именно в развитом средневековье [19, 112, 134, 205. Там же литература]. Анализ аэрофотосъемки позволяет заключить, что практически все обнаруженные на аэрофотоснимках пахотные террасы данного типа располагаются в ближайших окрестностях крупнейшего поселения котловины X-XII вв. – городища Рим-Гора [4, 70-71; 7, 305-306].

Рассматриваемые поселения несут следы пребывания на них значительного

количества населения. Здесь на первом месте стоит городище Рим-Гора, площадь скального останца которого составляет 13,5 га (рис. 4). Однако следы обитания имеются и у подножья этого останца, вероятно, выполнявшего роль цитадели и места проживания элиты. Размеры открытого поселения вокруг Рим-Горы оценивались А. П. Руничем и Н. Н. Михайловым в 115-117 га [36, 165]. Таким образом, совокупная площадь этого громадного поселенческого центра, составляющая около 130 га, позволяет при использовании расчетов плотности населения в 50 чел./га ориентировочно предположить здесь проживание около 6,5-7 тыс. человек [7, 308]. С. Н. Савенко реконструирует по данным плотности расположения катакомбных погребений Рим-горского могильника значительно меньшую численность одновременно проживавших жителей – около 1400-1500 человек [37, 178-179].

Наиболее детальные работы были проведены нами на укреплении и поселении Уллу-Дорбунла с использованием аэрофотосъемки и данных наземной

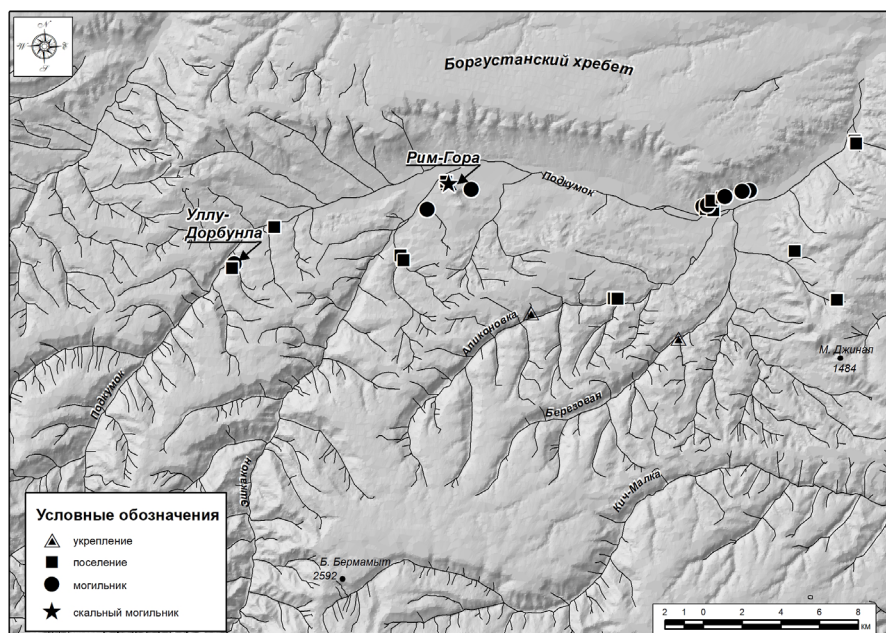

Рис. 4. Карта распространения поселений и могильников X-XII вв. в Кисловодской котловине

разведки. Здесь обнаружено около 120 каменных построек разной формы и площади (рис. 5). Возможно реконструировать разными способами потенциальное количество обитателей городища Уллу-Дорбунла в период его расцвета, приходившегося на эпоху развитого средневековья (X-XII вв.), в 500-1500 человек [7, 308-310]. Близкие показатели количества жителей от 740 до 1780 человек предполагаются И. А. Аржанцевой для населения другого крупного поселения развитого средневековья, расположенного в Карачаево-Черкесии – городища Кяфар [6, 85]. Данное количество населения представляется вполне обоснованным, если сравнить его с населением более крупных городских центров северокавказских алан – например, Нижнего Архыза, число обитателей которого, по мнению В. А. Кузнецова, составляло от 2 до 5 тыс. человек [34, 260]. При этом реконструируемое

количество жителей Уллу-Дорбунлы получается сопоставимым с уже упоминавшимся выше рассчитанным числом обитателей Рим-Горы в 1,4-1,5 тыс. человек [37, 178-179], что представляется все же сильно заниженным показателем, учитывая, что площадь этого грандиозного поселения была примерно в 10 раз больше площади Уллу-Дорбунлы. Достаточно вспомнить, что площадью более 100 га отличались лишь крупные княжеские центры Северо-Востока Киевской Руси, такие как, например, Ростов или Владимир. Население древнерусского Новгорода, занимавшего площадь от 180 до 230 га, оценивается в пределах 15-17,5 тыс. чел. [38, 62-65]. Исходя из этого, мне представляется адекватной и, возможно, даже несколько заниженной оценка населения Рим-Горы в 6,5-7 тыс. чел.

Таким образом, налицо существование в Кисловодской котловине и за ее

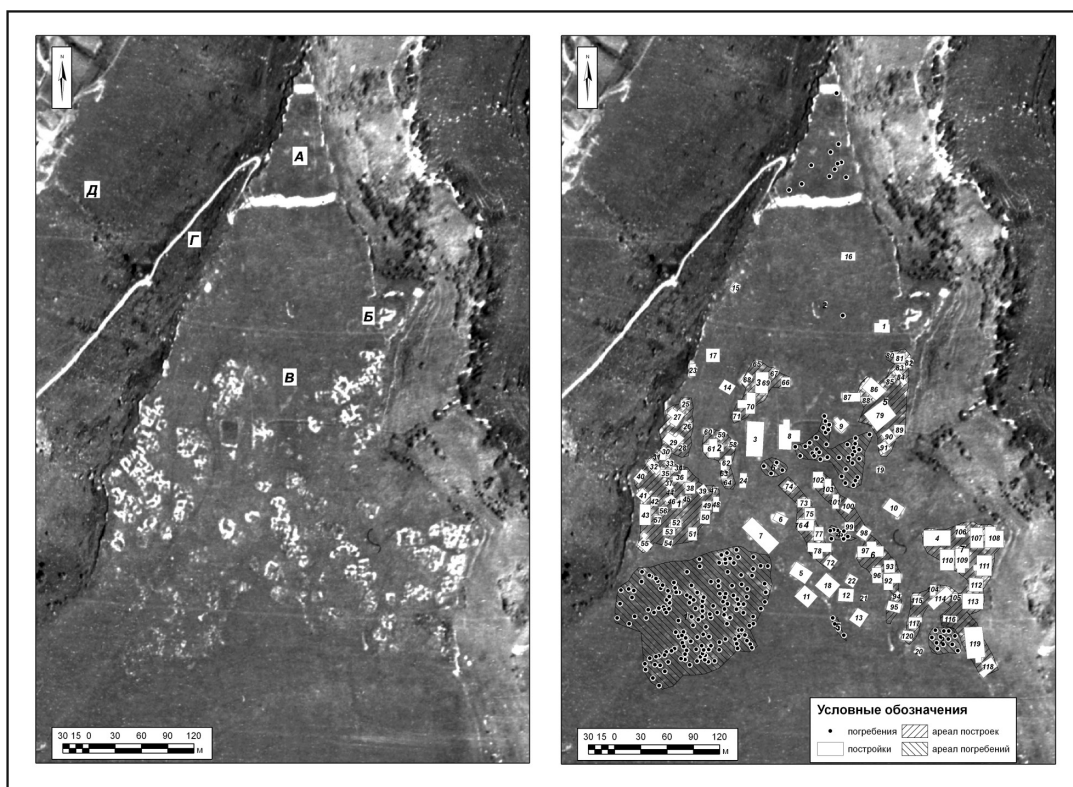

Рис. 5. Аэрофотоснимок городища X-XII вв. Уллу-Дорбунла (слева) и его интерпретация (справа).

Буквами обозначены: А – укрепленная стенами часть; Б – развалины христианского храма; В – развалины каменных построек поселения; Г – проселочная дорога; Д – месторасположение поселения в нижней части городища)

пределами крупных поселенческих центров X-XII вв., напоминающих по своим размерам и функциональным особенностям средневековые города [39, 226-229]. Некоторые из этих городов прекратили свое существование уже в XII в., например, Нижний Архыз [34, 245-246]. Другие, как Верхний Джулат, продолжали функционировать, пережив монгольское нашествие и став крупными центрами золотоордынской эпохи [35]. Сам факт существования крупных городов с памятниками христианской архитектуры, сопоставимых по размерам с княжескими центрами Киевской Руси [38, 60], при наличии более мелких поселений, которые в свою очередь в десятки раз превосходят по размерам поселенческие

памятники предшествующего времени, является ярким свидетельством существования раннегосударственных структур у северокавказского населения в эпоху Аланского царства.

Таким образом, через призму поселенческой археологии мы видим длительный процесс складывания государственного образования – средневековой Алании. Этот процесс не был равномерным – на пути аланского политогенеза встречались свои взлеты и падения. Однако очевидно, что тысячелетняя история северокавказских алан следовала общим европейским закономерностям, пиком наивысшего развития которой стало принятие христианства и обретение государственности 1100 лет назад.

-
1. *Гринин Л. Е.* Государство и исторический процесс: Эпоха формирования государства: Общий контекст социальной эволюции при образовании государства. М.: Изд-во ЛКИ, 2011. 368 с.
 2. *Лозный Л.* Переход к государственности в Центральной Европе // Альтернативные пути к ранней государственности. Владивосток: Дальнаука, 1995. С. 105-116.
 3. *Wickham C.* Framing the Early Middle Ages: Europe and the Mediterranean 400-800. Oxford: Oxford University Press, 2005. 1018 p.
 4. *Афанасьев Г. Е., Савенко С. Н., Коробов Д. С.* Древности Кисловодской котловины. М.: Научный мир, 2004. 240 с.
 5. *Ковалевская В. Б.* Кавказ – скифы, сарматы, аланы. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2005. 398 с.
 6. *Аржанцева И. А.* Каменные крепости алан // Российская археология. 2007. № 2. С. 75-88.
 7. *Коробов Д. С.* Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины). М., СПб.: Нестор-История, 2017. Т. 1. 384 с.
 8. *Габуев Т. А., Малашев В. Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: ТАУС, 2009. 468 с.
 9. *Малашев В. Ю.* Аланская культура Северного Кавказа: проблема ранней государственности у населения региона во II-IV вв. н.э. // КСИА. 2014. Вып. 234. С. 72-83.
 10. *Деген-Ковалевский Б. Е.* Работы на строительстве Баксанской гидроэлектростанции // Известия ГАИМК. 1935. М.; Л.: ОГИЗ. Вып. 110. С. 11-28.
 11. *Arzhantseva I. A., Deopik D. V., Malashev V. Y.* Zilgi – Early Alan Proto-City of the First Millenium AD on the boundary between Steppe and Hill Country // Les Sites

archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen-Age. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2000. P. 211-250.

12. Аржанцева И. А., Деоник Д. В. Зилги – городище начала I-го тысячелетия н.э. на стыке степи и предгорий в Северной Осетии // Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока. М.: Наука, 1989. С. 75-107.

13. Дзуцев Ф. С., Малашев В. Ю. Бесланский археологический комплекс раннеаланской эпохи (некоторые итоги исследований 1988-2014 гг.). Владикавказ: Проект-Пресс, 2015. 112 с.

14. Чеченов И. М. Средневековые городища Кабардино-Балкарии // Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в СССР в 1970 г. (археологические секции). Тбилиси: АН СССР; АН ГрССР, 1971. С. 204-206.

15. Кузнецов В. А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V-XIII веках // Советская археология. 1973. № 2. С. 60-74.

16. Ковалевская В. Б. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 83-97.

17. Коробов Д. С., Малашев В. Ю., Фассбиндер Й. Работы на Зильгинском городище и Бесланском могильнике: новые методы обследования // Эпоха всадников на Северном Кавказе: к 90-летию Веры Борисовны Ковалевской. М.: ИА РАН, 2021. С. 151-171.

18. Кузнецов В. А. Зилгинское городище в Северной Осетии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе: СОНИИ ИФЭ, 1986. С. 72-106.

19. Борисов А. В., Коробов Д. С. Древнее и средневековое земледелие в Кисловодской котловине: итоги почвенно-археологических исследований. М.: ТАУС, 2013. 272 с.

20. Quast D. Die frühalamannische und merowingerzeitliche Besiedlung im Umland des Runden Berges bei Urach. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, 2006. 345 S.

21. Афанасьев Г. Е. Патронимия у алан (к постановке проблемы) // Социальные отношения у народов Северного Кавказа. Орджоникидзе: СОГУ, 1978. С. 4-20.

22. Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. Века и народы. М.: Наука, 1984. 192 с.

23. Коробов Д. С. Социальная организация алан Северного Кавказа IV-IX вв. СПб.: Алетейя, 2003. 380 с.

24. Крадин Н. Н. Политическая антропология: учебник. М.: Логос, 2011. 272 с.

25. Härke H., Belinskij A. The "elite plot" in the cemetery of Klin-Yar (Russia). The emergence of a hereditary elite in the Early Alanic North Caucasus? // Chronica. Annual of the Institute of History University of Szeged. Szeged: University of Szeged, 2012. Vol. 12. P. 133-142.

26. Афанасьев Г. Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М.: Наука, 1993. 183 с.

27. Биджиев Х. Х. Хумаринское городище. Черкесск: Карачаев.-Черкес. отд-ние Ставроп. кн. изд-ва, 1983. 234 с.

28. Жуковский М. О., Кочкаров У. Ю. Хумаринское городище – новый взгляд на старую крепость // Хумаринское городище. Итоги междисциплинарных исследований. М.: Институт археологии РАН, 2020. С. 12-79.

29. Кочкаров У. Ю. К развитию ремесла на Хумаринском городище, Карачаево-Черкесия // КСИА. 2014. Вып. 236. С. 240-244.

30. Плетнева С. А. Саркел и «шелковый путь». Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1996. 168 с.

31. Афанасьев Г. Е. Кто же в действительности построил Левобережное Цимлянское городище? // Российская археология. 2011. № 3. С. 108-119.

32. Флёргов В. С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.: Мосты культуры, 2010. 260 с.
33. Гаджиев М. С. Определение абсолютной даты строительства цитадели и северной городской стены Дербента и производственных трудозатрат // История, археология и этнография Кавказа. 2006. Вып. 1 (5). С. 77-94.
34. Кузнецов В. А. Нижний Архыз в X-XII веках. К истории средневековых городов Северного Кавказа. Ставрополь: Кавказская библиотека, 1993. 464 с.
35. Кузнецов В. А. Верхний Джулат. К истории золотоордынских городов Северного Кавказа. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. 160 с.
36. Рунич А. П., Михайлов Н. Н. Городище Бургусант или Рим-Гора // МИСК. Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 1976. Вып. 14. С. 162-182.
37. Савенко С. Н. Характеристика социального развития аланского общества Северного Кавказа по материалам катакомбных могильников X-XII вв. Пятигорск, Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2017. 384 с.
38. Макаров Н. А. Урбанизация Северо-Восточной Руси в XI – первой половине XIII в.: размеры городских территорий // Российская археология. 2017. № 4. С. 57-69.
39. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Владикавказ: Ир, 1992. 392 с.

Korobov, Dmitry S. – Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); dkorobov@mail.ru

NORTH CAUCASIAN ALANS – 1000 YEARS ON THE ROAD TO STATEHOOD THROUGH THE PRISM OF SETTLEMENT ARCHAEOLOGY.

Keywords: North Caucasian Alans, Middle Ages, settlement archaeology, politogenesis process.

The article deals with the processes of politogenesis among the North Caucasian Alans, reflected in the materials of settlement archaeology. Over the course of a thousand years, from the 2nd century AD to the 12th century AD, the characteristic features of Alanian settlements, their hierarchy and settlement system are examined. Several stages in the development of settlement structures are traced: 1) extensive proto-town centres with traces of highly developed craftwork, characteristic of the early stage of Alanian culture (2nd – 4th centuries), and testify to the existence of a state analogue among the North Caucasian Alans; 2) small fortified settlements of related collectives, reflecting a less developed Alanian society of the Early Middle Ages (5th – 8th cc.); 3) settlement traces of a deep impact on the North Caucasian ethnic groups and their involvement in the orbit of the early state formation of Khazar Kaganate in the 8th – 9th cc.; and 4) the emergence of early town centres in the 10th – 12th centuries as testimony to the emergence of Alanian statehood. At each stage, North Caucasian Alanian settlement structures differed in size, fortification, settlement hierarchy and settlement system. Thus, we see the protracted process of state formation of mediaeval Alania through the prism of settlement archaeology. The process was uneven, with diverse ups and downs on the road of Alanian political genesis. However, it is certain that the millennial history of North Caucasian Alans followed European patterns, and reached its peak with the adoption of Christianity and the assumption of statehood 1,100 years ago.

For citation: Korobov, Dmitry S. North Caucasian Alans – 1000 years on the road to statehood through the prism of settlement archaeology // Izvestiya SOIGSI. 2023. Iss. 48 (87). Pp. 15-32. (in Russian). DOI:

References

1. Grinin, L. E. *Gosudarstvo i istoricheskii protsess, Epokha formirovaniya gosudarstva, Obshchii kontekst sotsial'noi evolyutsii pri obrazovanii gosudarstva* [The State and the Historical Process, The Epoch of State Formation, The General Context of Social Evolution during State Formation]. Moscow, Izd-vo LKI, 2011. 368 p.
2. Loznyi, L. *Perekhod k gosudarstvennosti v Tsentral'noi Evrope* [Transition to Statehood in Central Europe]. *Alternativnye puti k rannei gosudarstvennosti* [Alternative Paths to Early Statehood]. Vladivostok, Dal'nauka, 1995, pp. 105-116.
3. Wickham, C. *Framing the Early Middle Ages, Europe and the Mediterranean 400-800*. Oxford, Oxford University Press, 2005. 1018 p.
4. Afanasev, G. E., Savenko, S. N., Korobov, D. S. *Drevnosti Kislovodskoi kotloviny* [Antiquities of the Kislovodsk Basin]. Moscow, Nauchnyi mir, 2004. 240 p.
5. Kovalevskaya, V. B. *Kavkaz – skify, sarmaty, alany. I tys. do n.e. – I tys. n.e.* [Caucasus – Scythians, Sarmatians, Alans. 1st millennium BC – 1st millennium AD]. Moscow, Institute of Archaeology of RAS, 2005. 398 p.
6. Arzhantseva, I. A. *Kamennye kreposti alan* [Stone Fortresses of Alans]. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian Archaeology]. 2007, iss. 2, pp. 75-88.
7. Korobov, D. S. *Sistema rasseleniya alan Tsentral'nogo Predkavkaz'ya v I tys. n.e. (landshaftnaya arkheologiya Kislovodskoi kotloviny)* [Settlement System of Alans in the Central Ciscaucasia in the 1st millennium AD (Landscape Archaeology of the Kislovodsk Basin)]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2017, vol. 1. 384 p.
8. Gabuev, T. A., Malashev, V. Yu. *Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh raionov Severnogo Kavkaza* [Monuments of Early Alans in the Central Regions of the North Caucasus]. Moscow, TAUS, 2009. 468 p.
9. Malashev, V. Yu. *Alanskaya kul'tura Severnogo Kavkaza, problema rannei gosudarstvennosti u naseleniya regiona vo II-IV vv. n. e.* [Alanian culture of the North Caucasus: the problem of early statehood in the population of the region in the 2nd – 4th centuries AD]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology]. 2014, iss. 234, pp. 72-83.
10. Degen-Kovalevsky, B. E. *Raboty na stroitel'stve Baksanskoi gidroelektrostantsii* [Works on construction of Baksan hydroelectric power station]. *Izvestiya Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture]. 1935, vol. 110, pp. 11-28.
11. Arzhantseva, I. A., Deopik, D. V., Malashev, V. Y. *Zilgi – Early Alan Proto-City of the First Millenium AD on the boundary between Steppe and Hill Country. Les Sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen-Age*. Leiden; Boston; Köln, Brill, 2000. pp. 211-250.
12. Arzhantseva, I. A., Deopik, D. V. *Zilgi – gorodishche nachala I-go tysyacheletiya n. e. na styke stepi i predgorii v Severnoi Osetii* [Zilgi – hillfort of the beginning of the 1st millennium AD at the junction of the steppe and foothills in North Ossetia]. *Uchenye zapiski Komissii po izucheniyu pamyatnikov tsivilizatsii drevnego i srednevekovogo Vostoka* [Scientific notes of the Commission for the study of civilization monuments of the ancient and medieval East]. Moscow, Nauka, 1989, pp. 75-107.
13. Dzutsev, F. S., Malashev, V. Yu. *Beslanskii arkheologicheskii kompleks rannealanskoi epokhi (nekotorye itogi issledovaniy 1988-2014 gg.)* [Beslan archeological complex of Early Alanian epoch (Some Results of 1988-2014 research)]. Vladikavkaz, Proekt-Press, 2015. 112 p.
14. Chechenov, I. M. *Srednevekovye gorodishcha Kabardino-Balkarii* [Medieval settle-

ments of Kabardino-Balkaria]. *Tezisy докладov, posvyashchennykh itogam polevykh arkhеologicheskikh issledovaniy v SSSR v 1970 g. (arkheologicheskie seksii)* [Abstracts of reports on results of field archeological investigations in the USSR in 1970 (archeological sections)]. Tbilisi, USSR Academy of Sciences; Georgian SSR Academy of Sciences, 1971, pp. 204-206.

15. Kuznetsov, V. A. *Alanskaya kul'tura Tsentral'nogo Kavkaza i ee lokal'nye varianty v V-XIII vekakh* [Alanian culture of the Central Caucasus and its local variants in 5th – 13th centuries]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology]. 1973, iss. 2, pp. 60-74.

16. Kovalevskaya, V. B. *Severokavkazskie drevnosti* [North Caucasian antiquities]. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya* [Eurasian steppes in the Middle Ages]. Moscow, Nauka, 1981, pp. 83-97.

17. Korobov, D. S., Malashev, V. Yu., Fassbinder I. *Raboty na Zil'ginskom gorodishche i Beslanskom mogil'nike, novye metody obsledovaniya* [Works on the Zilginskiy fortress and the Beslan burial ground: new methods of survey]. *Epokha vsadnikov na Severnom Kavkaze, k 90-letiyu Very Borisovny Kovalevskoi* [Epoch of horsemen in the North Caucasus: To the 90th anniversary of Vera Borisovna Kovalevskaya]. Moscow, Institute of Archaeology of RAS, 2021, pp. 151-171.

18. Kuznetsov, V. A. *Zilginskoe gorodishche v Severnoi Osetii* [The Zilginskoye hillfort in the North Ossetia]. *Novye materialy po arkheologii Tsentral'nogo Kavkaza* [New Materials on Archaeology of the Central Caucasus]. Ordzhonikidze, North Ossetian Research Institute of History, Philology and Economics, 1986, pp. 72-106.

19. Borisov, A. V., Korobov, D. S. *Drevnee i srednevekovoe zemledelie v Kislovodskoi kotlovine, itogi pochvenno-arkheologicheskikh issledovaniy* [Ancient and medieval farming in the Kislovodsk Basin: Results of soil and archaeological research]. Moscow, TAUS, 2013. 272 p.

20. Quast, D. *Die frühalamannische und merowingerzeitliche Besiedlung im Umland des Runden Berges bei Urach*. Stuttgart, Konrad Theiss Verlag, 2006. 345 S.

21. Afanasev, G. E. *Patronimiya u alan (k postanovke problemy)* [Patronimia at Alans (to raise a problem)]. *Sotsial'nye otnosheniya u narodov Severnogo Kavkaza* [Social attitudes at the peoples of Northern Caucasus]. Ordzhonikidze, North Ossetian State University, 1978, pp. 4-20.

22. Kovalevskaya, V. B. *Kavkaz i alany. Veka i narody* [Caucasus and Alans. Ages and Peoples]. Moscow, Nauka, 1984. 192 p.

23. Korobov, D. S. *Sotsial'naya organizatsiya alan Severnogo Kavkaza IV-IX vv.* [Social Organization of Alans of the North Caucasus in the 4th – 9th cc.]. St. Petersburg, Aleteiya, 2003. 380 p.

24. Kradin, N. N. *Politicheskaya antropologiya, uchebnik* [Political Anthropology: Textbook]. Moscow, Logos, 2011. 272 p.

25. Härke, H., Belinskij, A. The 'elite plot' in the cemetery of Klin-Yar (Russia). The emergence of a hereditary elite in the Early Alanic North Caucasus? *Chronica. Annual of the Institute of History University of Szeged*. Szeged, University of Szeged, 2012, vol. 12, pp. 133-142.

26. Afanasev, G. E. *Donskie alany. Sotsial'nye struktury alano-asso-burtasskogo naseleniya basseina Srednego Dona* [Don Alans. Social Structures of the Alanian-Assian-Burtasian Population of the Middle Don Basin]. Moscow, Nauka, 1993. 183 p.

27. Bidzhiev, Kh. Kh. *Khumarinskoe gorodishche* [Khumarinskoe hillfort]. Cherkessk, Karachaev.-Cherkes. otd-nie Stavrop. kn. izd-va, 1983. 234 p.

28. Zhukovsky, M. O., Kochkarov, U. Yu. *Khumarinskoe gorodishche – novyi vzglyad na staruyu krepost'* [Khumarinskoye hillfort – a new view of an old fortress]. *Khumarinskoe*

gorodishche. *Itogi mezhdistsiplinarnykh issledovaniy* [Khumarinskoye fortress. The results of interdisciplinary research]. Moscow, Institute of Archaeology of RAS, 2020, pp. 12-79.

29. Kochkarov, U. Yu. *K razvitiyu remesla na Khumarinskom gorodishche, Karachaevo-Cherkessiya* [To the Development of Crafts at the Khumarinskoye Settlement, Karachay-Cherkessia]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology]. 2014, iss. 236, pp. 240-244.

30. Pletneva, S. A. *Sarkel i "shelkovyi put"* [Sarkel and the "Silk Road"]. Voronezh, Voronezh University Press, 1996. 168 p.

31. Afanasev, G. E. *Kto zhe v deistvitel'nosti postroil Levoberezhnoe Tsimlyanskoe gorodishche?* [Who really built Left-bank Tsimlyanskoye settlement?]. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian Archaeology]. 2011, iss. 3, pp. 108-119.

32. Flerov, V. S. *"Goroda" i "zamki" Khazarского kaganata. Arkheologicheskaya real'nost'* ["Cities" and "Castles" of Khazar Khaganate. Archaeological reality]. Moscow, Mosty kul'tury, 2010. 260 p.

33. Gadzhiev, M. S. *Opreделение абсолютной даты строительства цитадели и северной городской стены Дербента и производственных затрат* [Determination of the Absolute Date of Construction of the Citadel and the Northern City Wall of Derbent and Production Costs]. *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza* [History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus]. 2006, iss. 1 (5), pp. 77-94.

34. Kuznetsov, V. A. *Nizhnii Arkhyz v X-XII vekakh. K istorii srednevekovykh gorodov Severnogo Kavkaza* [Nizhnii Arkhyz in the 10th-12th Centuries. To the history of medieval towns of the North Caucasus]. Stavropol, Kavkazskaya biblioteka, 1993. 464 p.

35. Kuznetsov, V. A. *Verkhniy Dzhulat. K istorii zolotoordynskikh gorodov Severnogo Kavkaza* [Verkhniy Dzhulat. To the History of the Golden Horde Cities of the North Caucasus]. Nalchik, Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Research, 2014. 160 p.

36. Runich, A. P., Mikhailov, N. N. *Gorodishche Burgusant ili Rim-Gora* [Burgusant Settlement or Rim-Gora]. *Materialy po izucheniyu Stavropol'skogo kraya* [Materials for the study of the Stavropol Region]. Stavropol, Stavrop. kn. izd-vo, 1976, vol. 14, pp. 162-182.

37. Savenko, S. N. *Kharakteristika sotsial'nogo razvitiya alanskogo obshchestva Severnogo Kavkaza po materialam katakombnykh mogil'nikov X-XII vv.* [Characteristics of the Social Development of the Alanian Society in the North Caucasus According to the Materials of the Catacomb Tombs of the 10th – 12th Centuries]. Pyatigorsk, Kazan, Izdatel'skii dom "Kazanskaya nedvizhimost'", 2017. 384 p.

38. Makarov, N. A. *Urbanizatsiya Severo-Vostochnoi Rusi v XI – pervoi polovine XIII v., razmery gorodskikh territorii* [Urbanization of North-Eastern Russia in the 11th – first half of the 13th century: the size of urban areas]. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian Archaeology]. 2017, iss. 4, pp. 57-69.

39. Kuznetsov, V. A. *Ocherki istorii alan* [Essays on the History of Alans]. Vladikavkaz, Ir, 1992. 392 p.